

Когда Тан Цзю снова увидел Янь Юйсюаня, тот выглядел изрядно осунувшимся. Под глазами государя залегли темные тени — видать, последние дни выдались для него бессонными.

Тан Цзю справился о его здоровье исключительно ради приличия:

— Вашему Величеству следует поберечь себя.

Янь Юйсюань тяжело, сокрушенно вздохнул:

— Поверить не могу, что он способен на такую низость. Раньше он был совсем другим.

— Люди меняются, — отозвался Тан Цзю.

«И то правда...» — уныло подумал Янь Юйсюань.

Он грустно усмехнулся и покачал головой:

— Одни меняются, другие — никогда, — государь устремил на Тан Цзю долгий, исполненный нежности взгляд. — Цзиньчжи, ты всё такой же, каким я тебя встретил.

Тан Цзю лишь вежливо улыбнулся в ответ, оставив это замечание без комментариев.

Глядя на его благородное, красивое лицо, император, казалось, принял наконец твердое решение. Он бережно сжал ладони юноши в своих и прижал их к груди:

— Цзиньчжи, я был слеп. Тратил чувства и время на того, кто этого совершенно не заслуживал. Клянусь, отныне я буду беречь тебя пуще жизни. До конца моих дней ты — моя единственная императрица.

На его лице читалось глубочайшее раскаяние, а в голосе сквозила безграничная нежность, но Тан Цзю в душе едва сдерживал презрительный смех.

Сначала этот человек клялся в любви Шэнь Кэ, а потом, наигравшись, хладнокровно его бросил. Затем пел о любви Линь Цзиньчжи, но извел и замучил его до смерти.

«И на сколько же хватит твоей очередной "любви"?»

«Любовь законченного подлеца — слишком тяжелое бремя, обычному человеку его не снести».

Тан Цзю опустил ресницы, скрывая ядовитую насмешку, и негромко произнес:

— Ваша милость — величайшее благословение для меня.

Избавившись от притворного бедолаги Шэнь Кэ, который вечно портил ему кровь, Тан Цзю вздохнул свободно. Показатель раскаяния Янь Юйсюаня тем временем послушно дополз до отметки в восемьдесят пунктов. Тан Цзю пребывал в прекрасном расположении духа, и омрачало его счастье лишь одно — он отчаянно томился от любовной тоски.

Тан Цзю и раньше догадывался, что, влюбившись, напрочь теряет голову. Однако вкусить настоящих чувств ему довелось впервые, и только теперь он в полной мере осознал всю запущенность своего «недуга». Стоило ему на несчастные четыре дня разминуться с Янь Юйчэнем, как юноша буквально потерял покой: тело ломило от невыносимого томления, а в груди разгорался упрямый огонек, заставляя метаться из угла в угол.

Сяо Шуньцзы, видя его терзания, робко предложил:

— Быть может, господину стоит прогуляться, развеяться?

Мысль отвлечься пришла как нельзя кстати. Переодевшись в легкое платье, Тан Цзю в сопровождении слуги отправился бродить по окрестностям. Солнце еще клонилось к закату, и его косые лучи припекали довольно ощутимо.

— Впереди раскинулась бамбуковая роща, — подсказал Сяо Шуньцзы. — Там всегда прохладно.

Тан Цзю смутно припомнил, что слуги упоминали об этом месте, когда они только прибыли во временный дворец. Рощу величали изысканно — Бамбуковая тропа Облачного Приюта, и здешние виды полностью оправдывали столь поэтичное название. Вековые толстые стебли отливали глубокой малахитовой зеленью, а молодая поросль сияла нежным изумрудом; густые заросли уходили вдаль, сливаясь на горизонте в сплошное колышущееся море. Стоило углубиться по извилистой тропинке в лесную чащу, как суэта внешнего мира окончательно отступила. Воздух сделался прохладным и чистым, а в вышине зазвенели залиvistые птичьи трели.

Тан Цзю подставил лицо свежему ветерку и зажмурился от удовольствия. Но не успел он вдоволь насладиться покоем, как чьи-то теплые ладони бесшумно опустились ему на глаза со спины.

Юноша вздрогнул от неожиданности:

— Кто здесь?

Сяо Шуньцзы никогда бы не осмелился на подобную дерзость. Но кто еще во всем дворце

решился бы на такое кощунство?

Сердце взволнованно застучало в груди. Тан Цзю полупшепотом спросил:

— Это ты?

Незнакомец хранил молчание. Тан Цзю засомневался и потянулся руками вверх, ощупывая широкие мужские ладони, закрывавшие ему обзор. Едва пальцы коснулись знакомой кожи, его лицо озарилось счастливой улыбкой:

— Попался! Я так и знал, что это ты! И не стыдно тебе меня пугать?

Однако мужчина не спешил убирать руки. Он теснее прижался к его спине своим сильным, горячим телом и, склонившись к самому уху, опалил шею бархатным шепотом:

— Соскучился?

От этого горячего дыхания мочки ушей Тан Цзю мгновенно вспыхнули пунцовым цветом:

—... Да. Очень.

— Насколько сильно?

— Сильнее некуда, — в голосе Тан Цзю промелькнули обиженные нотки. — Я тут с ума без тебя схожу, а ты издеваешься. Ну же, дай мне на тебя посмотреть.

Сладкое, обезоруживающее признание сокрушило остатки самообладания князя. Он убрал ладони и мягко развернул юношу за плечи лицом к себе.

Сквозь ажурную листву бамбука пробивались золотистые лучи, рассыпаясь теплыми бликами по лицу и волосам Янь Юйчэня. Тан Цзю заворуженно залюбовался им, но не успел промолвить и слова — мужчина наклонился и властно накрыл его губы своими.

«Опять хозяйничает...» — мелькнуло в голове у Тан Цзю, когда объятия стали крепче, почти до боли сдавливая ребра.

И все же этот неистовый напор безумно ему нравился. Ведь жадный, лишаящий воздуха поцелуй и эти сильные, стискивающие объятия говорили яснее любых слов: Янь Юйчэнь дорожит им больше всего на свете.

Лишь когда Тан Цзю начал задыхаться, Янь Юйчэнь нехотя отстранился, напоследок

собственнически прикусив его верхнюю губу. Ощущая одновременно сладость и легкую досаду, юноша коснулся пальцами припухшего рта и с напускной тревогой проворчал:

— Ну почему тебе обязательно надо кусаться? Вдруг у меня теперь губы станут разной толщины? И что мне тогда делать?

Янь Юйчэнь тихо рассмеялся, очарованный этой непосредственностью. Подавшись вперед, он столь же нежно прижался к его нижней губе и поддразнил:

— Ну вот, теперь всё симметрично.

Оба они лишь недавно познали сладость взаимной любви и, будучи молодыми и горячими, попросту не могли вовремя остановиться. Сперва Янь Юйчэнь лишь нежно обнимал его, но вскоре увлек глубже в тенистую чащу, прижал к стволу бамбука и, нетерпеливо растерзав ворот халата, принялся покрывать страстными поцелуями кожу под ключицами.

От смущения и сладкой истомы Тан Цзю мелко задрожал и жалобно попросил:

— Не надо... пожалуйста, не кусай...

Мужчина послушно разжал зубы, но тут же дразняще провел кончиком языка по свежему алому следу на нежной коже.

Тан Цзю ахнул от неожиданного разряда наслаждения, ноги его подкосились, и он безвольно рухнул бы на землю, если бы крепкие руки не подхватили его.

— Ну всё, всё, больше не буду мучить тебя, — хрипло рассмеялся Янь Юйчэнь. Он нежно поцеловал его влажные ресницы и принялся заботливо поправлять сбившиеся складки чужого одеяния.

Сгорая от стыда, Тан Цзю спрятал полыхающее лицо у него на плече.

«И как я докатился до жизни такой? — сокрушался он про себя. — В школе ведь был первым заводилой, в любой драке лез на рожон. Отецечно орал, что я взрывной, как пороховая бочка. А тут стоило завести роман — и я превратился в какую-то размазню! Чуть поцеловали — и сразу колени подгибаются. Какой же позор!»

Янь Юйчэнь молчал, лишь ласково, умиротворяюще поглаживал юношу по волосам. Когда краска наконец сошла с лица Тан Цзю, он внезапно вспомнил о деле. Резко отстранившись, он встревоженно заглянул в глаза возлюбленному:

— Император начал подозревать тебя. Ты в курсе?

Накануне, во время визита в его покои, Янь Юйсюань вскользь упомянул о том, как ловко князь Дуань скрутил бунтовщика Лэй Мэна.

— Столько лет я искренне полагал, будто мой пятый братец — лишь никчемный щеголь, способный только наряжаться, — задумчиво рассуждал тогда император. — Оказывается, он всё это время скрывал свою истинную силу. Цзиньчжи, как думаешь, чего он добивается?

— Князь Дуань уверял, что занимается боевыми искусствами исключительно ради укрепления здоровья, — осторожно возразил тогда Тан Цзю.

— И ты поверил в эту чушь? — Янь Юйсюань снисходительно покачал головой, дивясь его наивности. — Его мастерство превосходно, он вполне способен потягаться с командиром моей личной гвардии. Я хоть и далек от ратного дела, но отлично знаю: путь боевых искусств тернист. Он требует изнуряющих тренировок и в лютый мороз, и в летний зной, закаляя волю и терпение. Если мой братец достиг таких высот, то никак не может быть тем праздным лоботрясом, за которого себя выдает. Он явно замышляет недоброе!

— К тому же ты сам видел, как он допрашивал Лэй Мэна, — лицо императора сделалось суровым. — Хладнокровно, и глазом не моргнув, раздробить пальцы живому человеку... Насколько же он жесток и безжалостен! Признаю, я совершил ошибку, недооценив его.

От этих воспоминаний ладони Тан Цзю мгновенно взмокли:

— Ваше Величество...

— Я знаю твою кроткую душу, — перебил его император. — Не нужно заступаться за него, у меня на этот счет свои соображения.

Тан Цзю пришлось смолкнуть, но на душе у него скребли кошки. Янь Юйсюань отличался болезненной подозрительностью. Рано или поздно он непременно расправится с Янь Юйчэнем — точно так же, как в свое время убрал с дороги остальных братьев-принцев.

— Не бойся, — спокойно отозвался Янь Юйчэнь, выслушав рассказ. Ни малейшей тревоги на его лице не отразилось. — Он и раньше не спускал с меня глаз. Наверняка спал и видел, как бы обвинить меня в измене и сослать на дальние рубежи, да только зацепиться было не за что.

— Но теперь-то зацепка у него есть! — воскликнул Тан Цзю.

— Признаю, я слегка потерял бдительность, — князь небрежно усмехнулся, хотя взгляд его сделался пугающе холодным. — Но ни о чем не жалею. Эти твари посмели покуситься на твою жизнь, и оставить их безнаказанными я не мог. Раздробленные пальцы — ничтожная плата. Жалею лишь о том, что не переломал ему шею.

Янь Юйчэнь произнес это с пугающей, мрачной яростью, от которой у любого кровь застыла бы в жилах. Но Тан Цзю не почувствовал страха — напротив, в груди у него разлилось щемящее тепло от осознания того, как сильно его любят.

— К тому же, — добавил князь, — то, что император обо всем догадался, может сыграть нам на руку.

— Почему? — удивился Тан Цзю.

Янь Юйчэнь не стал пускаться в объяснения. Он лишь ласково взъерошил его волосы и тихо произнес:

— Затишье в Поднебесной затянулось. Пора бы расшевелить это болото.

Проведя во временном дворце Ишуй чуть больше месяца и переждав самый пик летнего зноя, императорская свита пустилась в обратный путь. По возвращении в столицу Великого Лян Янь Юйсюань сразу же нанес тайный визит в Холодный дворец. Придворные евнухи шептались, что государь покинул казематы сам не свой от гнева, сквозь зубы бросив: «Безумная баба!» Вскоре по дворцу разлетелась весть — разжалованному благородному супругу Шэнь Кэ уже никогда не вернуть прежнюю милость.

Лишившись бывшего величия, поддержки влиятельного клана и покровительства монарха, этот человек стал никем. Разве мог он теперь представлять хоть какую-то угрозу?

Так полагали решительно все. Тан Цзю тоже целиком сосредоточился на планах спасения Янь Юйчэня и ломал голову над тем, как вытрясти из императора оставшиеся крохи раскаяния. О существовании поверженного соперника он попросту позабыл.

Но они упустили из виду простую истину: загнанный в угол зверь способен на самое безумное безрассудство.

В ту ночь Тан Цзю спал непривычно крепко. Его бесцеремонно вырвал из сонного оцепенения истошный, срывающийся на хрип крик Сяо Шуныцзы. Распахнув глаза, юноша с ужасом осознал, что дворец Вечного Веселья превратился в пылающий ад.

Огненная стихия ревела, сжирая всё на своем пути. Пламя жадно слизывало тяжелые парчовые портьеры и стремительно взбиралось к деревянным перекрытиям под самым потолком. Оконные рамы с треском рушились, впуская свирепые порывы ночного ветра. Тот лишь сильнее раздувал бушующий пожар, превращая залы в бесконечный, смертоносный океан огня.

Сквозь клубы удушливого черного дыма доносились истошные вопли перепуганных слуг:

— Помогите! Спасайтесь!

— Пожар! Дворец Вечного Веселья горит!!!

<http://bllate.org/book/20582/2134909>